

О СОГЛАСИИ ПРЕДПОСЛЕДНЕГО ПРОШЕНИЯ СУГУБОЙ ЕКТЕНЬИ ДНЯМ ТВОРЕНИЯ БОГОМ МИРА

священнику Александру Ильинову с благодарностью

Словом *ектения* называется в церковном богослужении моление, содержащее в себе ряд особых прошений, и происходит оно, как об этом говорит Церковно-славянский словарь прот.Г.Дьяченко, от греческого слова *εκτένεια* («протяженность»).

В связи с таким его значением может показаться, что слово *ектения* имеет связь с латинским *extensivus*, которое означает «расширяющийся, удлиняющийся», и которое дало начало английскому *extensive* («обширный, протяжённый, пространный») и «русскому» слову *эктенсивный*, но это не так. Помимо перевода, который даёт прот.Г.Дьяченко, у греческого *εκτένεια* есть другое значение – напряжение сил, усердие. И согласно этому переводу смысл слова *ектения* выходит прямо обратный латинскому – усердное интенсивное моление. М.Н.Скабалланович пишет, что в греческих богослужебных книгах слово «ектения» (*εκτενή* – напряженное, прилежное моление) усваивается только так называемой «сугубой ектении» (с.511).

Если следовать языку оригинала, то произносить слово *ектения* нужно с ударением на втором *е* – ектения, однако в церковном разговорном обиходе оно произносится просто – ектенья с ударением на *я*.

Ектений различают несколько: великая, малая, сугубая, просительная и заупокойная. Сугубую от прочих ектений отличает то, что на каждое возглашаемое диаконом (или священником) прошение, хор от лица всех молящихся троекратно взывает: «Господи, помилуй!», т.е. усиливает, усугубляет мольбу. Название ектеньи «сугубой» не вполне точно, так как «Господи, помилуй» поется не сугубо, не два раза, а три, и посему этой ектенье более бы пристало название «трегубой», т.е. тройной, троякой. Впрочем, как эту ектенью не назови, предпоследнее её прошение звучит: «Еще молимся о милости, жизни, мире, здравии, спасении, посещении, прощении и оставлении грехов рабов Божиих (далее следует перечисление имён)».

Кажется, всё, что мы можем пожелать себе и ближним в сей жизни и в будущей, собрано в этом прошении: и мир, и здравие, и спасение... Но почему так подробно и с таким большим смысловым перекрытием одних слов другими останавливает Церковь внимание молящихся и призываемого ими Бога в этом прошении? Разве милость Его не подразумевает здравия и спасения? Или недостаточно её одной, чтобы жизнь человеческая текла в мире? А прощение и оставление грехов ведь это почти одно и то же? Зачем столько частных, когда произнесено общее?

Подобный этому столь же справедливый вопрос может возникнуть у читающего первую главу книги Бытие, где речь идёт о днях творения Богом мира. Почему нельзя было Всемогущему Богу создать мир в один день? Почему Ему вместо многих слов: да будет свет, да будет твердь, да соберется вода, и вместо многих актов творения, нельзя было сказать одноединственное: да будет всё!

Повествование пророка Моисея о поэтапном творении мира христианские писатели и святые отцы понимали далеко неодинаково. Ориген, например, так и говорил, что мир был создан мгновенно, а история творения лишь иносказание, в котором под двумя великими

светилами нужно понимать Христа и Церковь, под звёздами – патриархов и пророков, под рыбами и пресмыкающимися – низкие и буйные мысли души, под птицами – возвышенные мысли и т.д. Напротив, святой Ефрем Сирийский учил, что сначала Бог сотворил первовещество, а затем из него всё прочее. О том же пишет святой Ипполит: «В первый день Бог сотворил, что творил, из несуществующего; в другие же дни – не из несуществующего, но из того, что было сотворено в первый день, - преобразовывал, как было Ему угодно» (с.194, 1). И для всех святых отцов, **толковавших** книгу Бытия, является общим утверждение, что мир сотворён в два этапа: в начале была сотворена первоматерия, которая затем была устроена и оформлена в течение шести дней. Но даже если и так, даже если историчность библейского рассказа о постепенности миротворения святыми отцами не отрицалась, как Оригеном, почему второй этап не мог быть, как и первый, мгновенным? Почему упорядочение и устройство сотворённых в начале неба и земли растянулось на несколько дней? Почему, действительно, не сказать было Богу единственное: да будет всё сейчас же таким-то и таким?

Ответить на вопрос, почему творение мира было разбито Творцом на Дни, будет значительно проще, если знать, зачем это творение было Ему нужно? То есть зачем, кому и для чего творился Богом мир? Но кто кроме Бога может ответить на этот вопрос? Ответ, который мы находим в Христианском катехизисе святителя Филарета (Дроздова), вызывает в нас ещё больше вопросов.

«Вопрос: С каким назначением Бог сотворил человека? Ответ: С тем, чтобы он познавал Бога, любил и прославлял Его, и через то вечно блаженствовал». (О первом члене Символа веры). Но что значит познавать Бога, если Он непознаваем? По слову святителя Григория Паламы: «Если Бог – природа, то всё остальное – не природа; если же то, что не Бог, является природой, то Бог не природа; и даже Он не есть, если другие существа суть». Как можно познавать Такого, если всё, что бы мы ни сказали о Нём, будет сказано о ком угодно и о чем угодно, только не о Нём? А что значит любить Бога и прославлять Его? Как это делать правильно, чтобы своими любовью и прославлением не оскорбить и не унижить Его? Что значит блаженствовать? Да ещё и вечно блаженствовать?

Недоумение, которое вызывает в нас эта тема, можно сравнить с недоумением Христовых учеников, когда Господь сказал им, что *трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие!* (Лк.18:24). «Кто же может спастись?» - с удивлением спросили они. И Он ответил: *невозможное человекам возможно Богу* (Лк.18:27).

Итак, невозможное человекам – узнать ответ на вопрос о смысле и цели жизни – возможно Богу. Был бы только у **людей** неподдельный к этой теме интерес. Когда же интереса не будет, тогда уже и Богу невозможно будет дать ответа на этот вопрос.

Ответ о цели творения, а также на все другие возникающие у нас вопросы, Бог даёт в Священном Писании и Предании. Откроем же первую главу книги Бытие и войдём в православную церковь во время Богослужения.

1-ый День

Первая строка, полагающая начало Священному Писанию и всей истории мироздания: *В начале сотворил Бог небо и землю* (Быт.1:1).

Небо и земля первого дня, о которых здесь идёт речь, это не то небо и не та земля, которые мы видим, ибо наше видимое небо появляется лишь с твердью 2-го Дня, а наша видимая земля – с отделением в 3-й День суши. Небо и земля 1-го Дня означают всю вселенную, мир видимый и невидимый, умообразный и вещественный. Небо – это вся беспредельность духовных миров, объемлющих наше земное бытие, это бесчисленные ангельские сферы (с.234, 2). А земля это – «весь будущий космос в первоначальном состоянии. Это та материальная основа, которая

устраивается Божественными словами в последующие шесть дней и из которой возникает весь видимый мир» (с.190, 1).

Святые отцы говорят о некотором начальном моменте в процессе творения, результатом которого было создание некоего первовещества видимого и невидимого мира, которое потом было упорядочено Божией рукой. Эта некая вспышка, происшедшая вдруг и мгновенно, это особый миг, лежащий в начале всего творения, это чудо, ставшее началом всех последующих чудес.

Но разве не об этом же, когда возникает вопрос о начале Вселенной, говорят нам учёные в теории «большого взрыва»? Согласно этой теории 10–13 миллиардов лет назад существовал некий начальный момент времени, в который радиус Вселенной был равен нулю, также в нулевом объеме была сосредоточена вся энергия Вселенной и вся ее масса (впрочем, масса это и есть энергия, поделенная на квадрат скорости света). Плотность энергии бесконечна, бесконечна и плотность вещества. Подобное состояние называется сингулярным. И вот из этого состояния произошло и до сей поры происходит расширение Вселенной.

Всё это, конечно, – теория. Может, и не было никакого взрыва, что же касается практики, то факт разбегание галактик друг от друга со скоростями сотен километров в секунду является в научном мире общепризнанным.

Но ведь и в нашей ектенье мы видим, что первое прошение, первая просьба *о милости* – качественно отличается от последующих просьб. Решительно выделяясь из всех других просьб, *милость* как бы вбирает их в себя. Она та же вспышка, то же чудо, та же первоматерия, из которой потом выходят все другие чудеса: и жизнь, и мир, и здравие, и спасение, и посещение, и прощение, и оставление грехов. Её начальное и главенствующее место в прошении столь же естественно, сколь естественная и легка первая библейская фраза: *В начале сотвори Бог небо и землю*.

Не могла история мира начаться другими словами, как не могло никакое другое слово, кроме *милости*, начинать и это наше многословное к Богу обращение. Милость – начало миру, она же, как говорит сербский церковный писатель Иустин Попович, будет его концом. «83. /.../ Если Господь и взял все чудеса с этой помрачённой звезды, превратившейся в кучу отбросов, но ещё не взял самого дивного чуда – терпения и милости. Он его возьмёт позднее – в день Страшного Суда». (Подвижнические и богословские труды. Сотница первая).

Творение мира – особая глава в христианском вероучении. Из ничего творит Бог мир, и это творение мира *ex nihilo* есть догмат исключительно православного вероучения. «В других учениях мы встречаем идею творения как Божественного процесса. Бог творит из самого Своего бытия, нередко путём первичной поляризации, которая порождает всё многообразие вселенной. Здесь мир есть проявление, или эманация Божества. Такова основная концепция индуизма, её же мы видим вновь в эллинистическом гнозисе, к которому очень близко мышление Платона, устремлённое к монизму. Здесь космогония становится теогонией. В своём постепенном нисходящем «уплотнении» Абсолютное от этапа к этапу становится всё более относительным, проявляя себя в мире, низводя себя до него. Мир – это падший Бог, который стремится вновь стать Богом; мир возникает вследствие либо какой-то таинственной катастрофы, которую можно было бы назвать падением Бога, либо какой-то внутренней необходимости, какого-то страшного космического «влечения», в котором Бог стремится осознать Самого Себя, либо в результате смены временных циклов проявлений и замыканий Бога в Себе Самом, как бы довлеющих самому Богу». И только согласно христианскому мировоззрению, материя возникает из ничего. Тварное никак не обусловлено Божиим. Потому что «как могло бы тварное иметь нетварный субстрат? Как оно могло бы быть каким-то дублированием Бога, если по самой своей сущности оно есть иное, чем Бог?» (с.223, 2).

И подобно тому, как учение о сотворении мира есть особая глава в богословии, так учение о Божией милости – особая глава в святоотеческом наследии.

Милость Бога к творению ничем тварным не обусловлена. Нет у твари никаких достоинств, объясняющих её милование Богом. Всё, что она имеет, дано ей Богом, где же личные заслуги? Объяснение Божией милости к человеку лежит вне человека. Бог милостив не ради человека, но ради Самого Себя, ради Своего существа, ради того, что другим Он быть не может. *Бог спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом, Которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего* (Тит.3:5,6). Бог есть Любовь и Милость, «не потому, что Он этого хочет, а потому, что Он таков» (с.221, 2).

По той простой причине, что в даруемой твари Божьей милости нет ничего ей принадлежащего, то и твари надо быть в ожидании Божией милости ничем своим не владеющей, чтобы ничто не-Божье, ничто тварное не мешало Его действию. Указывая владыке Вениамину (Федченкову) на природу, преподобный Нектарий Оптинский говорил: «Смотрите, какая красота — солнце, небо, звезды, деревья, цветы... А ведь прежде ничего этого не было. Ничего! И Бог из ничего сотворил такую красоту! Так и человек: когда он искренне придет в сознание того, что он — ничто, тогда Бог начнет творить из него нечто великое».

Чаще всякого другого слова звучит в церкви это обращенное к Богу – *помилуй*. Но каков смысл нашего *помилуй*? Неужели только тот, что, дескать, нагрешили, Господи, сделали по-своему, а Ты нас прости и помилуй? Нет! Возвращение к изначальному *ничто* (нигилю), которое было прежде создания мира и человека – вот что значит *помилуй*. Сокруши и раздави в ничто, и сотвори заново по-Своему, а не по-нашему!

Но о том, насколько с течением веков изменилось в русском языке понимание смысла Божией милости, свидетельствуют некоторые стихи из Псалтири. *Показал еси людям Твоим жестокая, напоил еси нас вином умиления* (Пс.59:5). *Яко да воспоем Тебе слава моя и не умилюся* (Пс.29:13).

Слова *умиление*, *умилюся* в этих примерах синонимичны скорби и печали. Стоящее здесь греческое *καταυξίς* означает собственно *укол*; в переносном значении: *уныние*, *печаль*. «Господи, сжался и пощади» – подразумевается в нашем нынешнем *помилуй*. Но, судя по стихам из Псалтири, «Господи, сокруши и раздави» - молились наши предки. Точно так, как молился святой пророк Давид: *Жертва Богу – дух сокрушен* (Пс.50:19).

Нечто сладенькое вошло в жёсткость слова *помилуй*, и томная теплота, привнесённая в него современным христианством, превратила перемалывающий молот Божией милости в тягучую патоку. Святая Церковь, сознавая своё бессилие понять разумом существо Бога и нашего Им милования, даже не мысля приписать это качество заслугам твари, и целиком приписывая его Богу, ставит первым прошением к Нему прошение о милости, и заверяет его тоекратным званием от лица всех молящихся: *Господи, помилуй!*

2-ой День

Во второй день творения *создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом* (Быт.1:7). Здесь древнееврейское слово *ракия*, означающее «пространство, простертие» переведено по-гречески *στερέωμα* («опора, основание»), и по-русски *твердь*.

Твердь это, по толкованию святых отцов, оболочка, в которую заключен видимый мир, и если для древних он ограничивался видимым небом, то для нас он ограничивается невидимым космосом. Но особой разницы в этом нет.

Хотя размеры видимого человеческому взору мира и безмерность космоса сопоставимы, как размеры пылинки и планеты Земля, но это количественное обстоятельство совершенно не меняет качества наших представлений о видимом мире, который по-прежнему остается для нас, вышедших в открытый космос, таким же неведомым, как неведомо было небо для древнего человека над его головой. Почему?

Дело в том, что видимые астрономические объекты (звёзды, галактики, планеты) составляют незначительную долю всего космического вещества, а основную часть вселенной составляет так называемая «скрытая масса», не имеющая какого-либо излучения (светового, электромагнитного и пр.), и потому недоступная изучению. Но она проявляет себя во взаимодействии с видимыми объектами посредством сил тяготения, увеличивая или уменьшая скорость их движения. Физический состав этой массы совершенно непонятен учёным, и потому можно почти без преувеличения сказать, что как нынешний многознающий астроном, так и легендарный Одиссей, прокладывая свой морской путь по звёздам, оказываются перед непознаваемостью вселенной в равном положении. Но (и это очень большое но!) ветхозаветный человек в своём незнании был гораздо просвещённее нынешнего учёного, потому что знал главное – мир сотворён Богом! И вот этого-то ответа никогда не узнать учёным мужам, если они надеются найти его в «скрытой массе». Потому что, стоит только установить, что представляет из себя «скрытая» масса, как тут же откроется «неведомая», после неведомой – «тайная» масса, и это будет (и есть) бесконечная и потому бессмысленная гонка за знанием, и чем она стремительнее, тем глупей.

Что же мешает этим, несомненно, умным людям увидеть бессмыслицу своих трудов и мудро склонить свою устремлённую вверх голову перед невозможностью окончательного познания Его творения? Узнать истину им мешает увлечённость этой гонкой. Увлечённость, которая и называется по-святоотечески – страсть.

Однако, почему легкая высь дневного и тёмная бездна ночного неба названы в Писании *твердью*? Потому, во-1-х, что, по объяснению святителя Василия Великого, всё лежащее выше *тверди* (т.е. ангельские духовные миры) по своей природе тонко и для чувства неуловимо, и в сравнении с этим тончайшим и неуловимым даже лёгкое небо оказывается твёрдым, как броня. А во-2-х, с точки зрения той же физики, небо действительно твёрдо, но его твёрдость рассеяна. Если сжать небесную шаль, раскинутую поверх земных вод и удерживающую над собой воды небесные, то и выйдет, что её воздушная легкость окажется той самой тяжестью, которой древнееврейское слово *ракия* (простертие) переведено на церковно-славянский язык словом *твердь*.

Есть детская загадка: что легче килограмм пуха или килограмм свинца? «Килограмм пуха», - обычно отвечает ребёнок. Распушенный и рассеянный килограмм неба кажется легче килограмма земли, однако атмосферный столб стоит невидимо над каждым человеком и давит на его суставы с силой в 18 тонн! Поэтому, если в древнееврейском *ракия*, нашло выражение представление о небе, как о шатре, раскинутом над землёю и укрывающим её от вод сверху, то славянский перевод выставил на передний план твёрдость неба. В то же время звучащая в церкви высокая поэзия церковно-славянского языка часто сравнивает небо с кожей. *Одейся светом яко ризою, простираяй небо яко кожу* – этими стихами 103-го псалма начинается вечернее богослужение. Как кожа облегает тело человека, так небо распростёрто Богом над землёй. Какое дивное сравнение! Но где связь с нашей ектеньёй?

Второе её прошение – о жизни. Вода – основа жизни, и мы видим, как прошения нашей ектеньи разворачиваются в порядке, копирующем порядок миротворения. Разделённые *твердью* две части вод – это разделённые гранью смерти две части единой жизни: земной и небесной. Смертная грань, прозрачная, как небо, и плотная, как шатёр – та же кожа, та же оболочка нашей временной земной жизни, которая, однажды прорвавшись, выпускает в себя жизнь небесную.

Может казаться, что всё происходит наоборот, что жизнь покидает человека при смерти, и даже совершенно привычным стало выражение *душа отошла*, но движение идёт в обратном направлении: небесная жизнь, страшно называемая *загробной*, сливается с жизнью внутри тела. Воды небесной жизни над твердью-смертью прорываются к воде жизни земной, чтобы оживить, оросить и продлить собою жизнь земную. И эту непривычную и даже странную для нас мысль о смерти не как об унесённой, но, наоборот, привнесённой, прорвавшейся внутрь тела жизни, вынашивает святость, т.е. та близость к Богу, которая ощущает земную жизнь безводной пустыней, если не напоется она водой Жизни небесной, а самый прах, сокрытый в могиле, называет драгоценным сокровищем, таящим в себе эту самую Небесную жизнь.

«Что значат золото, серебро, блестящие камни? Всё это – бездушная земля. А прах, лежащий в могиле, – чудный, таинственный, священный! Для этого праха мир сотворён, для этого праха Сын Божий страдал, умер и воскрес! Для этого праха приготовлен рай Небесный, устроено Царствие Божие! Этот прах был омыт крестильной водой, запечатлен печатью Мира Духа Святаго, напитан был Божественным Телом и напоен Животворящей Кровью. Этот прах в самой смерти – бессмертен, потому что он таинственно соединён с Богом». (Старец Тихон Пелих, с.192). Следуя этому необыкновенной красоты сравнению старца Тихона, мощи святых можно назвать земным хранилищем «вод над твердью», потому как таинственно заключают и скрывают в себе небесную жизнь.

Но как передаётся тленному праху нетление? Как приобретается смертным телом бессмертная жизнь? Для соединения вод над и под твердью надо пробить эту возведённую Адамом между собою и Богом преграду, надо умереть, но не той смертью, каковая прикасается каждому потомку Адама в определённый Богом час. Надо умереть со Христом, как и говорит об этом апостол Павел. *Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни* (Рим.6:3,4). Разрушение преграды-тверди двух жизней-вод и начало обновлённой жизни полагается человеком в Таинстве Крещения, которое со смертью во имя Иисуса Христа становится одновременно и Таинством его духовного рождения для жизни вечной.

Итак, мы видим, как в разворачивающемся свитке нашей ектеньи прошение о жизни следует за прошением о милости, ибо, по слову Псалмопевца, *яко лучше милость Твоя паче живот* (Пс.62:4).

3-й День

В третий день творения вода, которая под твердью была разделена с сушей. *И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. /.../ И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями* (Быт.1:9,10).

В этот же день были произращены землю зелень, трава, сеющая семя, и дерево плодовитое. В 3-й день творения упорядочивается Богом круговорот воды под твердью, является суша, и произрастает на ней растительность.

Какова же связь 3-го дня творения с 3-м прошением нашей ектеньи? Самая очевидная. Как после долгого морского плавания вдруг открывается берег с радующей глаз зеленью лесов и лугов, так среди бурных вод 2-го дня появляется суша 3-го, и она столь же желанна, сколь желанен покой после долгой морской качки, и столь же сладка, сколь сладок мир после непрерывного шума морских волн. Итак, 3-е прошение нашей ектеньи – *о мире* – вполне можно сопоставить с сушей 3-го дня творения, потому как *мир*, означающий постоянство и непоколебимость, есть та же суша в сравнении с вечно меняющимися водами.

Вода не может не течь, не переливаться, не колебаться, не стремиться в какую-либо сторону, так, в общем, и жизнь есть непрерывное изменение различных обстоятельств и ситуаций. И постоянное их изменение стало причиной того, что *жизнь* в церковных текстах так прямо и называется *житейским морем*. Что же может быть тихим пристанищем посреди него? У неметафорического моря это – гавань и берег, куда пристают корабли, а у житейского моря таким пристанищем становится душевное устройство, которое не в силах поколебать даже цунами различных бед. Итак, хотя и является вода основным материалом жизни, и человек на 2/3 состоит из воды, но она не может быть основанием жизни, как не может непостоянство служить постоянству. Вечно текущие воды должны оживлять и обновлять то, что прочнее их, и чем они сами быть не могут, то есть сушу – *мир*.

Слово *мир* в современном русском языке настолько многозначно, что необходимо особо сказать, какой именно *мир* разумеется в третьем прошении нашей ектеньи. Впрочем, проще сказать от противного, какой *мир* не разумеется, потому что объяснить смысл слова *мирен* в выражении «стяжи дух *мирен* ...» смог бы только тот, кто его сказал – преподобный Серафим Саровский. Не словами объяснить, но самой своей жизнью.

Какого же *мира* Церковь не просит в сугубой ектенье? Во-1-х, того *мира*, которым как будто озабочены политики всех стран. Такой *мир* не может быть *сушей*, где прочно и на века строились бы людские отношения, такой *мир* – лишь подобие суши, зыбкое болото, *ибо, когда будут говорить «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут* (1Фесс.5:3). О таком *мире*, наверное, мечтают пасущиеся на лугу коровы: травы вдоволь, водопой рядом, оводы не жалят, и хищники не грызут. Но Господь такого *мира* людям не обещал. *Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение* (Лк.2:51). *Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч* (Мф.10:34).

Во-2-х, того *мира* не просит Церковь в сугубой ектенье, который сразу узнаётся в церковно-славянском написании этого слова – *мір*. Сей *мір* есть то самое волнующееся житейское море, из которого извлечь на сушу пришёл Спаситель всех уверовавших в Него. Но если не *мира* как мирного состояния и не *мира* как видимого *міра*, то тогда какого же *мира*, мы просим у Бога в сугубой ектенье? Какого *мира* Царём провозглашается Господь Церковью в малой ектенье после 6-ой песни канона: «Ты бо еси Царь *мира*...»?

Кроме букв *и* и *і*, с помощью которых выражаются понятия мира и *міра*, есть третья буква в нашем церковно-славянском языке, тоже произносимая как «и» и называемая *ижицей* – *ѵ*. В окружении тех же *м* и *р* ижица говорит о третьем мире – духовном, потому как *муром* называется особым способом приготовленное и особым чином освященное масло, которым помазываются принявшие Таинство Крещения. Крещённый во имя Отца и Сына и Святого Духа помазывается миром в знак схождения на него даров Святого Духа и, таким образом, рождённый в мир духовный в Таинстве Крещения, в следующем Таинстве – Миропомазания – невидимо запечатлевается Духом Святым через видимое запечатление миром.

Три этих буквы *і*, *и*, *ѵ* помогают обозначить три расположенных один над другим мира (*мір*, мир, муро), которые содержатся в человеке как три обычно выделяемых в нём части – тело (*мір*), душа (мир), дух (муро). В выражении преподобного Серафима «стяжи дух *мирен*...» последнее слово я бы дерзнул написать через ижицу – *мирен*, потому как речь в нём идёт не о душевном *мире*, в котором всякий человек может пребывать в какие-то счастливые моменты своей жизни, но о духовном муре – особом состоянии духа, ниспосылаемом исключительно Богом. И Святая Церковь за каждым богослужением молит Бога о всех трёх *мирах*, которые Он даровал людям, приведя их из небытия в бытие.

Миром Господу помолимся. Это начальное прошение великой, или мирной ектеньи говорит о 2-ом, душевном *мире*, в котором только и можно сметь приступать к Богу с молитвой. Но

внутренний мир молящегося напрямую зависит от его внешнего мира, поэтому Господь говорит, что *если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой* (Мф.5:23).

Миром Господу помолимся – это даже не прошение, но напоминание о главном условии всякого к Богу обращения, поэтому первым действительным прошением великой ектеньи являются слова: *о свышнем мире и о спасении душ наших Господу помолимся*. Хотя в греческом тексте на месте слова *мир* здесь стоит тоже слово, что и в предыдущем возгласе – εἰρήνης, но это уже мир духовный, мир, который *свыше* (ἄνωθεν), и поскольку от этого *мира* зависит спасение душ наших, то и здесь, как в выражении преподоюного Серафима, я бы дерзнул вписать ижицу – мвр, *о свышнем мвре /.../ Господу помолимся*.

Следующее прошение великой ектеньи: *о мире всего мира...* Различие этих двух слов становится очевидным, стоит только написать их с церковнославянскими буквами: *о мире всего мiра...* Прося у Бога *мира* как покоя, которого Господь хотя и не обещал верующим в Него, но и не запрещал просить, Церковь, во-1-х, молит Бога о *временех мирных*, а во-2-х, она и тем миром, который через *i*, т.е. материальным не пренебрегает, что хорошо видно из так называемой молитвы главопреклонения: «...и аще что согрешихом, волею или неволею, яко Благ и Человеколюбец Бог прости, даруя нам мiрная и надмiрная Твоя». Эти слова молитвы, читаемой священником в алтаре на просительной ектенье утреннего богослужения, свидетельствуют, что наряду с попечением о мире как покое Церковь не оставляет заботы и о неоскудном телесно-материальном мiре своих членов.

Совокупная радость всех трёх миров была услышана Вифлеемскими пастухами в ангельском пении при рождении Богомладенца: *Слава в вышних Богу* (мврo), *и на земле мир* (мир), *в человеках благоволение* (мiр)! (Лк.2:14).

Но какого же из этих миров мы просим у Бога в сугубой ектенье? Первого, второго или третьего? Кстати сказать, все три «и» стоят в имени Господа Иисуса, написанном по-гречески: Ἰησοῦς: тело (мiр), душа (мiр), дух (мiр).

Если бы в разбираемом нами прошении слово *мир* имело бы букву *i*, то вопроса о том, какого мира мы в нём испрашиваем, не возникало, поскольку через *i* («и десятиричную») пишется в церковнославянском языке мир, который лежит перед глазами и который в греческом языке имеет написание κόσμος (вселенная, всё мирское и земное). Но в слове «мир» нашего прошения стоит «и осьмеричная», которая говорит о том, что два разных, хотя по-своему близких друг другу мира здесь могут пониматься: мир духовный (свышний) и мир душевный. И поскольку упоминать о духовном мире после прошений о милости и жизни было бы неуместно (это значило бы поставить высшее в зависимость от низшего), то остаётся предположить, что речь здесь идёт о мире душевном, и что в сугубой ектенье Церковь от лица всех молящихся просит у Бога мира как их внутреннего состояния.

Об этом же мире говорится в кондаке Животворящему Кресту Господню: «...победы дая им на супостаты, пособие имущим Твое оружие мира, непобедимую победу». *Оружием мира* назван Господень Крест, и это словосочетание удивительно. Всё великое множество оружий, известных человечеству изготовлено им для ведения войны, для устрашения и уничтожения противника, но оружие, которым пользуется и которое восхваляет Церковь, оказывается оружием мира. Как такое может быть, ведь испокон веков оружие делается, чтобы воевать? Оружием мира Крест назван потому, что воевать им нужно не с другими, но с самим собой.

В ирмосах канона, составленного на праздник Воздвижения Честнаго и Животворящего Креста, поётся о том, что «ныне процвете древо Креста», и том, что Христом Богом «крестное живоносное на земли насадилося древо». И эти высоко поэтические образы напоминают нам о том,

что именно в 3-ий День творения с появлением суши произросли на ней по слову Божьему зелень, злаки и деревья.

4-ый День

Прежде подробного рассмотрения этого Дня, хочется заметить, что 13-16 стихи 73-го Псалма конспективно выражают действия Божии во 2-й, 3-й и 4-й Дни творения.

13-й стих: *Ты расторг силою Твоею море.* Так, во 2-ой День были разделены воды над твердью и под твердью.

15-й стих: *Ты иссёк источник и поток, Ты иссушил сильные реки.* Так, в 3-ий День появились суша и растительность.

16-й стих: *Твой есть день и Твоя есть ночь; Ты уготовал светила и солнце.* Так, в 4-й День творения: *И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной [для освещения земли и] для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов; и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так. И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды; и поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю, и управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы* (Быт.1:14-19).

Сразу возникает вопрос: как могли появиться растения 3-го Дня творения, когда ещё не были созданы солнце и луна 4-го Дня? Как они росли без света? Святой Иоанн Дамаскин считает, что «в светила Творец вложил первоизданный свет, ибо светило – не самый свет, но вместилище света» (с.204, 1). Т.е. тот самый Божий свет, на который согласно пословице всё появляется, был создан одновременно с первовеществом 1-го Дня и освещал все последующие дела Божии, но лишь в 4-й День он был распределён по светилам: солнцу, луне, звёздам. Точно так же, как Истинный Свет нашей жизни – Иисус Христос задолго до Своего воплощения светил всем грядущим в мир человекам, начиная от Адама и Евы, так и свет вещественный, светивший с 1-го Дня творения, был, так сказать, воплощён в различные космические светила в 4-й День.

Как же связаны между собой сотворение светил 4-го Дня и 4-е прошение нашей ектеньи, иначе говоря, солнце и здоровье? Их связь сама собой разумеется, поскольку живительное тепло солнечных лучей – главное условие здоровой жизни. И если вода необходима для жизни как таковой, то солнце необходимо для жизни полноценной и здоровой. Но с другой стороны, хорошо известно, что избыток солнечного света часто бывает вреден и даже губителен для живых существ, и солнце, столь желанное и дорогое солнце, может одновременно как давать здоровье, так и отнимать его. В том-то и дело, что здоровая жизнь это – жизнь без крайностей, жизнь без избытка, но и без недостатка чего-либо. В этом отношении 4-й День творения становится днём упорядочения земного устройства, или «днём здоровья».

В этот День неудержимая стремительность, с какой принялась цвести и зеленеть воззванная к жизни Божиим словом растительность 3-го Дня, была умерена сменами дня и ночи, лета и зимы. Вместо первоизданного света, горевшего непрерывно, явились два плавно сменяющихся на небосклоне светила: дневное и ночное, и вместо разделённых некоей преградой света и тьмы 1-го Дня появились на нашей земле тихие рассветы и закаты. А когда установились времена года, то буйная зелень вынуждена была приостанавливать свой самоубийственный рост уже не на ночь, но на долгие зимние месяцы. Таким образом, 4-й День творения полагает начало порядку, красоте и гармонии земного устройства, или применительно к нашей ектенье – *здравию*.

В этом отношении размеренность в подсчёте дней и ночей, которую предлагает юлианская календарная система, гораздо здоровее григорианской. Ритм юлианского календаря прост: три года по 365 дней и один високосный год из 366 дней составляют цикл, который сменяется таким же циклом. «Лишний» день, 29 февраля добавляется каждый 4-й год для выравнивания

положения Земли относительно Солнца. Но в григорианском календаре ради более точной фиксации Земли относительно Солнца этот ритм нарушен, а именно, на рубеже определённых столетий день «29 февраля» не добавляется, и выходит, что високосный год в эти периоды не наступает. А иначе откуда бы взялась разница дней старого и нового стилей? Именно оттого, что на рубеже определённых столетий в григорианском календаре выпадает високосный год, растёт разница юлианского и григорианского календарей.

Ладно бы, если бы он выпадал постоянно на всех без исключения столетних рубежах, потому как такое выпадение создавало бы определённый ритм, но ведь каждое 4-ое столетие високос сохраняется. Например, в наступившем XXI веке не произошло увеличения разницы между стилями ещё на один день, с 13-ти до 14-ти, потому что это столетие оказалось как раз тем 4-ым столетием, которое сохраняет свой високос. Зато на следующем рубеже веков добавится 14-й день разницы. А как он добавится? Именно так и добавится, как сразу же после 4 октября 1582 года по указу папы Григория XIII наступило 15 октября 1582 года, так и при следующей смене веков после 31 декабря 2099 года наступит 2-е января 2100 года. Конечно, проще и незаметнее сделать иначе – опустить 29 февраля в 2100 году, но суть происшедшего от этого не изменится: день выпадет, произойдёт сбой, откроется, как говорят кардиологи, аритмия.

Насколько нездоров предлагаемый григорианским календарём механизм подсчёта времени, можно судить на примере другого хорошо известного нам механизма. С некоторых пор дважды в году весной и осенью телевизионный указ о том, что наступающие два часа ночи нужно считать не двумя, но тремя часами (или наоборот часом) ночи, заключается словами: не забудьте перевести стрелки! И вся страна будет крутить стрелки. Для чего? Для того, чтобы быть нам ближе к солнцу, чтобы как можно большая часть трудового дня была им освещена. И людские организмы, привыкшие жить по «зимнему» времени, должны будут перестраиваться на «летнее» или, наоборот, с «летнего» на «зимнее», потому что в телевизоре взошло новое солнце – циферблат. Так по какому же солнцу: настоящему живому или по телевизионному солнцу мы живём с тех самых пор, как началась практика перевода стрелок и связанная с ней ломка людских организмов? Думаю, что по телевизионному, а не по настоящему живому солнцу.

Положим, человеческий организм способен вынести многое, а ради экономии электрической энергии он вынесет и эти опыты с переходами на сезонные времена, но переводить стрелки веков? Переводить каждое столетие стрелки истории? Ради чего? Ради того, чтобы празднование Пасхи за 1000 (!) лет не сдвигалось на 7 дней от весны к лету, и чтобы жить нам как можно точнее по солнцу? Только вот по какому солнцу? По тому, которое вместе с луной и звёздами было создано Богом в 4-ой День творения или по тому «солнцу», которое «зажёл» папа Григорий XIII в 16-ом веке в Ватикане? Кто отсчитывает время, тот им и владеет. Жрецы из Ватикана ввели григорианский календарь, ну так пусть они им и пользуются вместе со всем западным миром.

Когда мы из-за своего земного интереса начинаем крутить стрелки часов туда-сюда, то вряд ли становимся от этого здоровей телом и душой. Но несравнимо больший вред такому сложному и огромному организму, каким является Церковь, принёс сбой в многовековом ритме её жизни, вызванный переходом на новый календарный стиль. Поэтому, молясь Богу о здравии в сей временной жизни, будем молиться, чтобы пребывать нам здоровыми и невыпавшими, как выпали неизвестно куда 13 дней григорианского календаря, из той вечной жизни, что озарена нетварным солнцем – Христом Богом нашим.

5-й День

Четыре дня, четыре просьбы худо-бедно рассмотрены нами. И становясь теперь на 5-ой ступеньке нашей молитвенной лестницы, нельзя не заметить, что она является качественно иной

в сравнении с предыдущими прошениями этой необыкновенной ектеньи. И действительно, просьба о спасении принципиально отличается от 4-х предыдущих просьб. Все они (за исключением, конечно, милости – самого первого и самого непостижимого понятия) могут быть названы конкретно-осязательными. И жизнь, и мир, и здравие есть то, что можно так или иначе ощутить, но как потрогать или увидеть *спасение*? И поскольку мы ищем параллели между сугубой ектеньей и Днями творения, то удивительное открытие ждёт нас именно здесь, в 5-ом Дне.

В этот день: *И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. [И стало так.] И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо. И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле* (Быт.1:20-22).

Именно здесь, в 5-ом Дне творения вновь произносится в тексте Бытия слово, с помощью которого был описан начальный акт творения Богом мира, слово «бара» – творение из ничего. *И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода...* (Быт.1:21). В древнееврейском тексте на месте слова *сотворил* стоит, как и в самом первом стихе Библии, слово «бара» – сотворил из ничего. Но почему же *из ничего*, когда сказано, что вода была самой непосредственной участницей этого акта? Да, конечно, именно вода по слову Божьему произвела душу живую, но при этом производстве было добавлено в воду Богом то, чего нигде прежде ни на небе, ни на земле не существовало, т.е. взято Им *из ничего*.

Поэтому, как протоматерия 1-го Дня, так и душа живая 5-го Дня были качественно новыми этапами творения. Соответственно, и в нашей ектенье мы видим, что как *милость* 1-го прошения, так и *спасение* 5-го принципиально отличаются от других прошений.

Итак, душа живая была сотворена Богом из воды в 5-й День. С какой же целью? Вопрос о цели творения был задан в начале этих записок, и он является важнейшим вопросом бытия, потому как, если что-то делается, то делается не без цели, наипаче, если это делается Богом, а не нами, людьми, основное отличие деятельности которых от деятельности всех других живых существ в том и состоит, что причины *большой* части поступков остаются необъяснимы для самих делающих.

«Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?» Без ответа на этот вопрос, непонятно, зачем вообще что-либо делать в этой жизни, потому как все дела и все слова без понимания того, зачем я живу, становятся бессмысленны. Не зная ответа на этот вопрос, как можно что-либо говорить и чему-либо учить? Чему учить? Той же бесцельности, что томит тоской собственную душу? Впрочем, уже за то, что признаём эту жизнь как дар, а не как свою собственность – слава Богу.

Ответ о цели создания живой души в 5-й День творения, а стало быть, и всего творения в целом, даётся Святой Церковью за Богослужением в 5-ом прошении сугубой ектеньи. Ответ, конечно, предельно краткий, но со временем он раскрывается для желающих его раскрыть. Итак, живая душа создана Богом для спасения.

Что же понимать под словом *спасение*? Ответить на этот вопрос можно через сравнение учений о спасении в разных религиях. Но мы не будем здесь вдаваться в подробности о том, что каждая религия говорит о спасении. Довольно будет рассмотрения того, как внутри христианства, т.е. в пределах как будто бы одной веры во Христа Бога, под словом *спасение* могут скрываться разные понятия. Причём, свидетельствовать об этой разнице готовы не только догматы веры, но и самый язык.

Например, в английском языке, точнее в одном из его многочисленных вариантов, слово Спаситель пишется как Savior, и это *savior* имеет один корень со словом *save*. Обратим внимание на то, какие значения имеет глагол *save* в современном английском языке: 1) спасти; 2) хранить,

беречь; 3) откладывать, сберегать (деньги); 4) экономить, копить (деньги). Мы видим, что понятия *спасения* и *накопления* в английском языке очень близки семантически. Но что здесь особенного? Смыслы этих слов, кажется, в любом языке должны стоять рядом: спасение это накопление того, что препятствует гибели, не так ли? Может, оно так и есть в любом языке, но только не в русском, где представить себе, чтобы слово *спаситель* означало бы в то же время *скопитель* – невозможно. Зато в английском языке духовное родство этих понятий ещё нагляднее, чем слово *savior*, демонстрирует другое слово этого же этимологического гнезда – *saver*. При его переводе в словаре В.Д. Аракина первым поставлено значение «спаситель (душ)», а вторым – «экономный человек», т.е. вот они и сошлись, *спаситель* и *скопитель*, в одном лице.

При обращении к этимологии слов *save*, *savior*, *saver* выясняется, что произошли они, если верить International Standard Bible Encyclopedia, от французского предлога *sauf* («кроме, исключая, помимо»). Удивительное дело, но как раз то слово, которое в русском языке породило слово *кромешный* (что буквально означает «находящийся *кроме*»), в английском языке произвело понятие *спасения*. В русском языке *быть кроме* означает погибнуть, в английском, наоборот, чтобы спастись, надо *быть кроме*. У нас кромешный ад, у них – кромешный рай. Можно, конечно, и здесь сказать: ну, и что? Что особенного в том, что разные языки разными логическими путями выразили одно и то же понятие? Но ведь пути-то прямо противоположные! Очевидно, что конец и начало, причина и следствие английской и русской логик в вопросе спасения поменялись местами. А всё почему? Потому что *спасение* для западного человека означает обособление, а для русского – соединение.

И завершить рассмотрение 5-го Дня можно напоминанием о том, что в первые века христианства, когда вера в Иисуса Христа запрещалась, знак рыбы стал тайным Его символом. С чем же связан выбор этого изображения? Дело в том, что слово *рыба*, написанное по-гречески (ἰχθύς), состоит из начальных букв текста Ἰησοῦς Χριστός Θεοῦ υἱός σωτήρ – Иисус Христос Бога Сын Спаситель – ἰχθύς. И столь простая «дешифровка» этого слова привела к тому, что идея о спасении верой в Иисуса Христа в то время, когда открыто говорить о Нем было невозможно, приобрела в изобразительном искусстве форму рыбы. Но как мы уже установили, созданию Богом рыб и всяких душ животных пресмыкающихся в 5-й День творения соответствует 5-ое прошение нашей ектеньи, оказавшееся как раз прошением о *спасении*.

6-ой День

Миновав середину 8-ми ступенчатой молитвенной лестницы, мы замечаем, что содержание наших к Богу просьб существенно меняется, они становятся надмірны. Потому как, если моления о *жизни*, *мире*, *здравии* связаны в основном с внешней и видимой стороной жизни человека, то молитвы о *спасении* и *посещении* касаются его духовной невидимой стороны.

Выше говорилось, что при описании 5-го Дня творения использовалось слово «бара». Это же слово в очередной раз употреблено пророком Моисеем в книге Бытия при рассказе о создании человека в 6-ой День.

И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так. И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо. И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил (бара) Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил (бара) его; мужчину и женщину сотворил (бара) их (Быт.1:24-27).

Мы помним этот совершенно непостижимый для нас смысл слова «бара» – создание из ничего. Т.е. небо и земля в 1-й День, живая душа в 5-й, и человек в 6-ой День были созданы

Богом не из какого-то материала, не из Себя (что решительно отвергается православным учением о происхождении мира), но из абсолютного нуля, или, как сказано в читаемой священником литургической молитве, «из небытия в бытие» привёл Бог этот мир. Но не менее поразительная вещь, чем создание тварного мира из ничего, открывается в том, что подлинное бытие твари, её истинная, невыдуманная и неиллюзорная жизнь начинается только тогда, когда она, отвращаясь от видимого мира и от самой себя, пытается жить для Бога. Отвержение видимого ради невидимого наполняет жизнь твари подлинным смыслом потому, что не препятствует Божьему делу дальнейшего её созидания.

Созданный в 6-ой День творения и помещённый в раю для его возделывания и хранения человек был напутствован единственным от Бога условием: не вкушать от древа познания добра и зла. Исходя из вышесказанного, смысл этой Божией заповеди можно истолковать как ограничение человека в его тварной воле, поскольку именно человеческая воля препятствует действительному посещению человека Богом. Слово «действительное» означает здесь то, что все Божии посещения, какими бы они не были: открытыми, как в раю, когда Адам беседовал с Богом, или прикровенными, как в ветхозаветной истории, грозными, как на Синайской горе, или чудесными, как при Боговоплощении – они не будут действительными, т.е. не будут действующими на человека в деле его последующего и окончательного создания из ничего (бара). Но каково же это окончательное бара? Какова конечная цель создания Богом человека?

Выше говорилось, что целью сотворения мира является его спасение, но возникает вопрос: что понимать под словом *спасение*, и каким образом оно должно происходить? Поэтому следующим прошением после прошения о *спасении* несколько разъясняется, что спасение мира совершается Богом через *посещение*. Но что такое посещение?

Об этом мы узнаём из святоотеческих писаний. Так, например, святой Максим Исповедник учит, что человек призван воссоединить в себе всю совокупность тварного бытия. Он должен достигнуть совершенного единения с Богом и, таким образом, сообщить состояние обожения всей твари. Для этого ему прежде всего нужно в своей собственной природе преодолеть разделение на два пола путём бесстрастной жизни по Первообразу Божественному. Затем он должен соединить рай со всей землей, то есть, нося всегда рай в себе в силу своего постоянного общения с Богом, он должен превратить в рай всю землю. После этого ему предстоит уничтожить пространственные условия не только для своего духа, но также и для тела, соединив землю и небо, то есть весь чувственный мир. Перейдя границы чувственного, он должен путём познания, равного познанию духов ангельских, проникнуть в мир сверхчувственный, чтобы соединить в себе самом мир сверхчувственный и чувственный. Наконец, не имея ничего вне себя, кроме одного Бога, человеку ничего не оставалось бы, как полностью себя Ему отдать в порыве любви и вручить Ему всю вселенную, соединенную в его человеческом существе. Тогда Сам Бог, со Своей стороны, отдал бы Себя человеку, который по этому дару, то есть по благодати имел бы всё то, что Бог имеет по природе. Таким образом, свершилось бы обожение человека и всего тварного мира. (с.83, 2).

Вот как широко мыслят святые отцы! Мы же, моля Бога о *посещении* в 6-ом прошении сугубой ектеньи, мыслим гораздо уже, потому что просим Его не оставлять Своей повседневной заботой наш человеческой род. И хотя эта забота, называемая Промыслом Божиим, не простирается для нас далее сроков земного бытия, всё же конечной целью Божьего *посещения* Святая Церковь подразумевает то самое обожение, о котором святой Максим Исповедник говорит как о полном соединении тварного мира с Богом. И это соединение тем возможнее, что лежит оно зародышем в каждом потомке Адама, с которым Бог постоянно общался, посещая его в 6-ой День творения в раю.

7-й День

Пройдены 6-ть этапов, 6-ть Дней, отсчитанных в первой главе книги Бытия. Наступает черёд двух «невмещающихся» в Шестоднев прошений.

7-м Днём творения святые отцы называют нынешний, наступивший после грехопадения первых людей период земной истории, когда Адам и Ева были изгнаны из рая, чтобы понести назначенное им от Бога наказание. Какое же моление наиболее уместно в этот День? Конечно же, моление о прощении нарушившего Божью заповедь Адама и всех его потомков, и именно это моление о *прощении* возносит Святая Церковь в 7-ом по счёту прошении сугубой ектеньи.

Человеком разумным (*homo sapiens*) называет наука нынешний продукт «эволюционного» развития человечества, но, исходя из святоотеческого учения о человеке, другое именование ему было бы гораздо приличнее – *homo flebilis* (человек плачущий), потому как, «седе прямо рая», плакал согрешивший Адам.

Какое из всех земных чувств доставляет сердцу наиболее отрадное и утешительное состояние? Чувство своей силы и превосходства? Но оно непостоянно и зыбко, потому что страх потерять их отравляет всю сладость превосходства. Чувство привязанности к другому человеку? Но оно ещё более шатко. «Кая житейская сладость пребывает печали непричастна?» После смеха – пустота, после соития – печаль, после еды – тяжесть... Одно только приносит душе облегчение и покой – плач.

В связи с темой наказания и прощения 7-го Дня интересно заметить, что порядок египетских казней соответствует порядку Шестоднева, только цели у них были прямо противоположные: вместо творчества и жизни – разрушение и смерть.

Так, первая и вторая египетские казни коснулись воды. Все воды Египта (кроме, конечно, земли Гесем, где обитало еврейское население) были превращены в кровь, как некогда они были разделены на воды под и над твердью. *Господь поразил реку* (Исх.7:25), рыба вымерла в ней, вода перестала быть животворящей.

Затем от удара жезлом Аарона о землю наполнилась египетская страна мошками («скнипами»), чтобы жалить скот и людей. Точно так, как в 6-ой День из земли была произведена душа живая, чтобы служить человеку. Причём, если казни, связанные с водой, египетские волхвы способны были воспроизвести своими силами вслед за Моисеем, то при виде мошек они сказали: «это перст Божий». Творение из земли – это уже другой уровень. Человек сам сотворён из земли, и если волхвы смогли вывести жаб из воды, то повторить то, что велел Господь сделать Моисею – превратить землю в мошек – они оказались неспособны.

А далее ещё любопытнее. Моисей уже совместно с Аароном, словно копируя Божий Совет о создании человека, должны были взять и бросить вверх горсть пепла из печей, в которых обжигалась глина для производства кирпичей, чтобы напала на египтян и их скот язвенная болезнь. Печь, глина, горсть пепла – всё это напоминает создание Адама из красной глины и «обжиг» его Божьим Духом. Только в Египте цель Божьего Промысла о человеке была отлична от цели создания человека в раю, а именно, вместо спасения – погубление. Струпьями, которые в церковно-славянском тексте называются *горящими*, словно огнём, покрываются все люди и скоты Египта (Исх.9:9).

Следующих казней, как то град с огнём, осязаемая (!) тьма, гибель первенцев, мы касаться не будем, хотя в них, между прочим, прообразованы геенна, ад и другие обещанные нам в будущем Божии кары. Рассмотренных примеров, пожалуй, достаточно, чтобы согласиться с тем, что последовательность Божиих наказаний для противящихся Его велениям будет соответствовать последовательности миротворения. Здесь имеется в виду слова апостола Петра о том, что *нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, сберегаются огню на день суда и погибели нечестивых человеков* (1Петр.3:7), и самого Господа слова о кромешной тьме, ожидающей тех, кто пришёл на царский пир не в брачной одежде (см.Мф.22:13).

Ещё одно обстоятельство, описанное в 7-11 главах книги Исход и связанное с темой наказания и прощения грешников, обращает на себя внимание. Божии кары, совершённые через Моисея и Аарона над египетским народом, были бы тотчас прекращены, стоило только фараону признать Господа Господом. Но о фараоновом жестокосердии говорится более 20-ти раз в пределах 7-ми глав книги Исход. Сердце фараона так и не смягчилось, залегши камнем на дне морском. Зато, показав болезни и наказания на египтянах, Господь обещал отвратить их от Израиля в случае соблюдения Его заповедей (см.Исх.15:26). Но, к слову сказать, ни один из израильтян, свидетелей тех казней, не вошел в обетованную землю кроме Халева, сына Иефонниина, и Иисуса, сына Навина (Чис.14:30).

Итак, 7-ой День творения, т.е. переживаемый ныне человечеством период земной истории, должен стать днём усердного покаяния и усиленных к Богу молитв о *прощении* грехов, среди которых первым есть грех противления воли Божией. С этого греха начался 7-ой День, и потому мольба о *прощении* должна стать главным его содержанием. Можно даже сказать, что всякое наше земное дело приобретает в глазах Божиих значение лишь в той мере, в какой оно наполнено покаянием. Когда же не останется на земле кающихся и просящих о *прощении*, тогда не останется Богу смысла продлевать этот День нашего существования, и он прекратится, чтобы дать начало следующему Божьему Дню.

8-й День

Этот День, как и 7-ой День, не имеет в Библии характерной фразы, которой очерчиваются предыдущие 6-ть – и был вечер, и было утро: день такой-то. Однако в святоотческом наследии он получил название «осьмого дня творения», и этот День есть нескончаемая жизнь будущего века, или Небесное Царство. «Семидневный цикл завершается Божественным покоем субботнего дня; за ним – предел этого цикла – воскресенье, день сотворения и воссоздания мира» (с.232, 2).

Несомненно, что творение, воскрешённое Богом в 8-ой День, будет иным, но каким? Этого *не лезь есть человеку глаголати* (2 Кор.12:4), одно ясно: оно будет заново отделённым. Потому что деление как главный принцип всего творения прослеживается в каждый из его Дней. В 1-й День был отделён свет от тьмы; во 2-й – воды под твердь от вод над твердь; в 3-й – суша от морей; в 4-й – светило дневное от светил ночных; в 5-й – живой мир от неживого; в 6-й – из живого мира был выделен человек; в 7-ой – ... а вот здесь процесс разделения *овец от козлов* (Мф.25:32) ещё продолжается, и его итог откроется в 8-ом Дне.

Мы видим, что миротворение, как оно описано в Священном Писании, это – последовательность 8-ми основных разделений, причём не хронологическая, но именно иерархическая последовательность, т.е. такая, где этапы расположены не по отрезкам времени, но один над другим.

Несомненно, что мир творится во времени, но ведь и время течёт в зависимости от состояния мира. Концы и начала Дней отсчитываются не по таймеру, но по степени завершенности очередного иерархического разделения. Причём, если вспомнить буквальный смысл слова *иерархия* «священноначалие», и буквальный смысл составляющих его слов: *священный* «отделённый» и *началие* «главенство», то всё творение можно уподобить лестнице, в которой каждая следующая ступень, во-1-х, отделена от предыдущей, а, во-2-х, расположена над ней. Не эту ли лестницу, со стоящим на ней Богом, видел во сне патриарх Иаков? (см.Быт.28:12).

И теперь, когда мы взобрались на восьмую ступень молитвенной лестницы нашей ектеньи, удобно будет оглядеть её всю, чтобы увидеть полное согласие 8-ми её прошений с Днями творения Богом мира.

1. Милость – свет.
2. Жизнь – вода.

3. Мир – суша.
4. Здравие – солнце.
5. Спасение – сотворение души живой из воды.
6. Посещение – сотворение человека по образу Божию и подобию.
7. Прощение – изгнание человека из рая.
8. Оставление грехов – будущее Небесное Царство.

Случайно ли, что в очерёдности просьб предпоследнего прошения сугубой ектеньи о *милости, жизни, мире, здравии, спасении, посещении, прощении и оставлении грехов рабов Божиих (имярек)* выразился весь Божий замысел о нас и о нашем мире? Конечно, нет. Ибо в противном случае надо будет признать случайным и это прошение, и Божий замысел, и вообще всё. Поражает чуткость Православной Церкви, более всех художеств художественная и всех разумов разумная. Столетиями устраивалась форма этого моления, подбирались слова, менялся их порядок, пока не была найдена та единственная гармония и тот единственный строй, в которых сотворён и продолжает промыслительно твориться Христом Богом наш мир.

«Всё устроилось по порядку, - говорит святитель Григорий Богослов, - и устроилось словом, хотя всё могло быть произведено вдруг, как нечто единое. Ибо кто несуществующему дал бытие, а сотворенному – формы и очертания, тот не был бессилен вместе всё и произвести, и устроить. Но для того считается одно первым, другое вторым, иное третьим и так далее, чтобы в тварях был тотчас введён порядок» (Слово 32-е, о соблюдении доброго порядка в собеседовании...).

И на другое, не менее поразительное сходство можно указать в завершении этого сочинения. Святой Григорий Синаит пишет: «Есть восемь главных предметов созерцания: первый — Бог, невидимый и безвидный, безначальный и несозданный, Причина всего сущего, Троичное единое и пресущественное Божество; второй — чин и стояние умных сил; третий — составление видимых вещей (т.е. божественные идеи и изволение о всем сотворенном); четвертый — домостроительное снисшествие Слова; пятый — всеобщее Воскресение; шестой — страшное Второе Христово Пришествие; седьмой — вечная мука; восьмой — Царствие Небесное. Четыре первые — прошедшие и совершившиеся, а четыре последние — будущие и еще не проявившиеся, ясно, однако же, созерцаемые и признаваемые стяжавшими благодатью полную чистоту ума» («Главы о заповедях...», гл.130, Добротолюбие, т.5, а также с.59, 1).

Мы не сможем здесь подробно остановиться на том, как 8-мь главных предметов созерцания соответствуют 8-ми Дням творения и 8-ми прошениям нашей ектеньи, по очевидной причине – неспособности пересказать мысль преподобного Григория Синаита своими словами. Укажем лишь схематично на их сходство, заодно повторив содержание 8-ми главок этого сочинения.

1. Бог – свет – милость.
2. Чин умных сил – вода – жизнь.
3. Составление видимых вещей – суша – мир.
4. Домостроительное снисшествие Слова – солнце – здравие.

Здесь, в середине, сделаем остановку, потому что 4-ре перечисленных предмета созерцания, по слову преподобного Григория, уже совершились и тем самым отличаются от следующих 4-х, не совершившихся. Подобный срединный рубеж мы наблюдали и в Днях творения, когда говорили, что именно в 5-й день Бог творит живую душу в неживом доселе мире, а также и в прошениях ектеньи, когда указывали на решительную перемену их свойств, начавшуюся с 5-го прошения о *спасении*. Кстати сказать, на такого же рода черту мы указывали между 1-м и 2-м днями творения, а также между 1-м и 2-м прошениями ектеньи, но ведь подобная рубежная черта может быть проведена между 1-м и 2-м предметами преподобного Григория, поскольку Бог есть принципиально отличный от всех других «предмет созерцания»: Он – Творец, а всё другое – тварь.

Следующие 4-е предмета созерцания прп. Григорий называет «будущими и ещё не проявившимися». И таковое их название можно, не колеблясь, приложить к следующим 4-м прошениям ектении о *спасении, посещении, прощении и оставлении грехов*. Дарованы они нам или нет? Это пока не явлено и будет открыто в будущем.

5. Всеобщее воскресение (по слову прп. Григория) – сотворение души живой из воды (5-й День) – спасение (5-е прошение).

6. Страшное Второе Христово Пришествие (по слову прп. Григория) – сотворение человека по образу Божию и подобию (6-й День) – посещение (6-е прошение).

7. Вечная мука (по слову прп. Григория) – изгнание человека из рая (7-й День) – прощение (7-е прошение).

8. Царствие Небесное (по слову прп. Григория) – будущее Небесное Царство (8-й День) – оставление грехов (8-е прошение).

Действительно, об этих 4-х предметах созерцания мы можем лишь догадываться, тогда как стяжавшие «благодатью полную чистоту ума» их ясно сознают и признают. Но, даже не сознавая или же сознавая частично, т.е. по мере чистоты ума, мы признаём эти предметы созерцания как подлинно ожидающие нас события земной истории, потому что вместе со Святой Церковью молимся о них соответствующими прошениями. Причём, сопоставление 8-го предмета созерцания и 8-го прошения нашей ектении с новой силой подтверждает главную мысль этого сочинения о том, что цель, смысл и венец Божьего творения – Царство Небесное. И его достижение возможное только по *оставлении грехов*, потому как *не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни* (Откр.21:27).

Приложение к сочинению

«О согласии предпоследнего прошения сугубой ектении дням творения Богом мира», или Какой могла бы быть икона мироздания

В приложении, имеющем столь длинное название, речь пойдёт о Кресте. Но прежде скажем несколько слов о том, что такое икона, и чем она отличается от картины и научного исследования.

Икона слово греческое, и означает оно – «образ, изображение, подобие». Множество споров возникало и возникает вокруг икон. Кажется, остались далеко в прошлом иконоборческие ереси, когда иконы запрещались и уничтожались, но гонения на них не прекращаются и до ныне. Иконы заточают в музеи и частные собрания, иконы осмеивают и отвергают различные сектанты... Но почему вокруг этого незначительного, во всяком случае, не самого значительного в богослужении предмета, столько битв? Потому что из отношения к иконе вырастает, по сути, наше отношение к Богу. А если и стоит нам о чём-либо спорить на этом свете, то только об одном – как нам славить, хвалить и благодарить Бога, и о том, как нам правильно Ему поклоняться.

Сектанты называют православных идолопоклонниками за то, что они, дескать, молятся рукотворным идолам – доскам и краскам. Эти сектанты большие чудачки. Почему они не называют идолопоклонниками художников и коллекционеров? Вот уж кто, действительно, идолопоклонники, так это собиратели картин, а выставочные залы – самые настоящие идольские капища, где демонстрируются *идолы язычников – серебро и золото, дело рук человеческих* (Пс.134:15). Именно в музеях расписанные красками холсты становятся фетишами, которым посетители кланяются и служат. Православное же отношение к иконе таково, что сама по себе

икона ни цены, ни значения не имеет, если перед ней нет молящегося человека. Именно молящегося, а не разглядывающего или изучающего её.

Перед иконой *должно* молиться, и если нет перед ней благодарящего или радующегося, плачущего или сетующего молитвенника или молитвенницы к Богу, то и иконы, как таковой, тоже нет. В этом смысле, как картина, так и научное исследование могут стать иконами, если они послужат молитвенному обращению к Богу. Но и икона может стать картиной, если повесить её на стене для любования. Она может стать и научным трактатом, если сделать её не столько предметом поклонения, сколько предметом изучения и размышления.

Священное Писание это не картина и не научный трактат, это – словесная икона, т.е. приглашение к молитве. Поэтому всё говоримое, пишомое или рисуемое по Библии, чтобы соответствовать её духу и букве, должно быть подчинено этой же цели – побуждение к молитве. Посему и предлагаемое ниже описание художественного изображения первой главы книги Бытия, если вдруг случится ему когда-нибудь быть воплощенным в красках, должно иметь ту же цель – обратить ум зрителя к Богу.

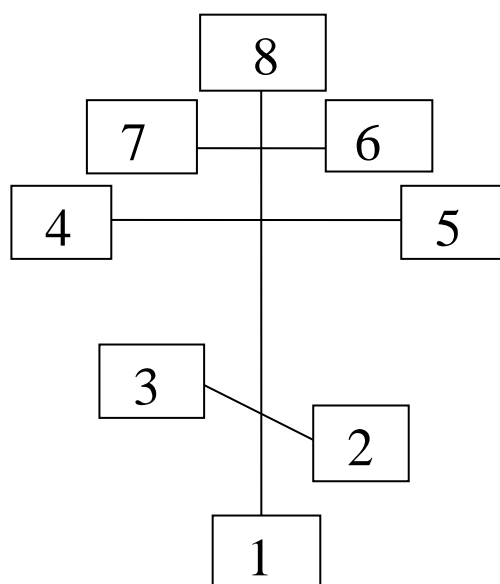
Предлагаемое нами описание иконы мироздания уместнее назвать схемой, поскольку оно показывает порядок расположения клейм, отдавая на волю иконописца их живописное наполнение. *Клеймами* в иконописи называются небольшие прямоугольные изображения по краям иконы. Например, если в центре иконы изображен святой, то по краям иногда пишутся ключевые эпизоды его жизни, которые и называются клейма.

Итак, в центре иконы мироздания, должен быть помещён Бог. Но Бог невидим, поэтому видимый Его образ – Богочеловек – занимает центральное место иконы, называемое также *средником*.

Весь мир, по слову Екклесиаста, Бог вложил в сердце человека. *Все соделал Он прекрасным в свое время, и вложил мир в сердце их, хотя человек не может постигнуть дел, которые Бог делает, от начала до конца* (Еккл.3:11).

О чём Екклесиаст говорит образно, о том преподобный Иоанн Дамаскин пишет детально: «Человек имеет нечто общее с неодушевленными существами, причастен к жизни неразумной и обладает мышлением разумным (ангельским). С неодушевленными человек имеет сходство в том, что обладает телом и состоит из четырёх стихий. С растениями – в том же самом и, кроме того, в том, что имеет способность питаться, расти, производить семя и рождать, а с неразумными вдобавок в том, что имеет влечение, то есть доступен гневу и хотению, что наделён чувством и способностью движения по внутренним побуждениям. С существами бестелесными и духовными человек соприкасается посредством разума. Рассуждая, составляя понятия о каждой вещи, стремясь к добродетели и любя то, что составляет вершину всех добродетелей – благочестие. Поэтому человек есть малый мир» (с.209, 1).

Человек имеет сходство со всем Божиим творением: с неодушевлёнными стихиями 1-го Дня, с бестелесными существами 2-го, с флорой 3-го, с неразумными животными 6-го, потому что, действительно, весь мир вложил Бог в Адама с тем, чтобы тот принёс и отдал бы его *обо*женным Богу (см. об этом выше, в 6-ом Дне). Но поскольку Адам не выполнил возложенной на него задачи, то новый Адам, Господь наш Иисус Христос посылается Богом Отцом в мир для его спасения. Поэтому новый Адам должен быть изображён не имеющим своей воли, т.е. распятым на Кресте. Слово *Крест* я пишу с большой буквы, потому как он и есть композиционная основа всей иконы мироздания.

Восемь прямоугольников, расположенных по концам четырёх перекладин Креста, есть 8-мь клейм, соответствующих 8-ми Дням творения. Они пронумерованы от основания Креста к его вершине по принципу «поворота быка». Так называется приём написания древних текстов, когда строки идут попеременно: то слева направо, то справа налево, как ведёт борозду бык на пашне.

«Крест – хранитель всея вселенная; крест – красота церкви; крест – царей держава; крест – верных утверждение; крест – ангелов слава и демонов язва». Именно он, восьмиконечный православный Крест, связывая Дни творения в указанном на рисунке порядке, становится стержнем 8-ми клейм иконы, а смысловым её средником является изображение Распятого Господа.

Весь мир, (все три его орфографических варианта: мiр, мир, мвр), всю вселенную (и в нынешнем космическом, и тем паче в старинном понимании этого слова) собирает к Себе Спаситель раскинутыми руками.

Распятие как соби́рание – весьма частая мысль церковных песнопений. Так, во втором светильне (первый цитировался выше) праздника Воздвижения Животворящего Креста Господня читаем: «Крест воздвизается днесь, и мiр освящается; Иже бо со Отцем седяи и Духом Святым, на сем руце распростре, мiр весь привлече к Твоему, Христе, познанию; иже убо на Тя надеющиися Божественныя сподоби славы».

Распятый, предающий Себя Богу Отцу и одновременно распростёртыми руками всех к Себе привлекающий Господь возводит широту созданного Им мира на высоту нового, 8-го Дня творения – всеобщего воскресения. «Так встречаются в единой тайне день первый и день восьмой, совпадающие в дне воскресном. Ибо это одновременно и первый и восьмой день недели, день вхождения в вечность» (с.232, 2).

Между чудом возникновения мира и чудом его воскресения – обыденная жизнь семи дней. Но, конечно, будет безумием считать обыденным то, что заключено между двух чудес.

Цитируются:

1. Архим. Алипий (Кастальский-Бороздин), архим. Исаия (Белов). Догматическое богословие. Курс лекций. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 2000.

2. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991.